

POSTCOLONIALISM IN CENTRAL ASIA.
Ideological myth or reality?

ПОСТКОЛОНИАЛИЗМ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.
Идеологический миф или реальность?

პოსტკოლონიალიზმი ცენტრალურ აზიაში.
იდეოლოგიური მითი თუ რეალობა?

RUSTEM ZHANGOZHA

Doctor of Political Sciences,
Chief research worker of the Institute of World History
National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine
ORCID:0000-0001-5516-0958
tranzit02@ukr.net

Abstract

The article deals with the conceptual conflicts of socio-political transit - independence of the Central Asian region countries.

The reconstruction of the transit typology of the new independent Central Asian states reveals a complex symbiosis of paternalism, quasi-liberalism and populism. This indicates the loss of ethnocultural continuity of the peoples of the region.

Keywords: Society, politics, post-colonialism, socio-political transit. Political discourse and political populism, ethno-cultural mentality, historical and cultural continuity.

РУСТЕМ ЖАНГОЖА

Доктор политических наук, Доктор философских наук,
Главный научный сотрудник Института всемирной истории
Национальная академия наук Украины, Киев, Украина
член Всемирного клуба писателей - Pen-club
ORCID:0000-0001-5516-0958
tranzit02@ukr.net

Аннотация.

В статье рассматриваются понятийные коллизии социально-политического транзита - обретения независимости стран центрально-азиатского региона. В контексте заявленной темы статьи анализируется фактор национальной политической и культурной элиты.

Ключевые слова: Социум, политика, пост-колониализм, социально- политический транзит. Пост-колониализм, социально-политический конфликт, историко-культурная преемственность.

რუსტემ ჟანგოჯა

პოლიტიკურ მეცნიერებათა დოქტორი, ფილოსოფიის დოქტორი,
მსოფლიო ისტორიის ინსტიტუტის მთავარი მკვლევარი
უკრაინის მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია, კიევი, უკრაინა
მსოფლიო მწერალთა კლუბის - Pen-Klub-ის წევრი
ORCID: 0000-0001-5516-0958
tranzit02@ukr.net

აბსტრაქტი

სტატიაში განხილულია სოციალურ-პოლიტიკური გარდატეხის კონცეპტუალური კოლიზია - შუა აზიის რეგიონის ქვეყნების დამოუკიდებლობის მოპოვება. სტატიის აღნიშნული თემის კონტექსტში ხდება ეროვნული პოლიტიკური და კულტურული ელიტის ფაქტორის ანალიზი.

საკვანძო სიტყვები: საზოგადოება, პოლიტიკა, პოსტკოლონიალიზმი, სოციალურ-პოლიტიკური ტრანზიტი. პოსტკოლონიალიზმი, სოციალურ-პოლიტიკური კონფლიქტი, ისტორიული და კულტურული უწყვეტობა.

Прежде всего, подчеркну: использование термина/понятия пост-колониализм в применении к анализу новейшей истории постсоветских государственных образований Центральной Азии будет воспринят властной и интеллектуальной номенклатурами крайне болезненно. И это объяснимо тем, что за период инкорпорирования региона в состав России в статусе лишённого реальных прав территориального объекта Российской империи, сформировался особый тип позиционирования себя, свой народ и квази-государственность.

Эта система позиционировала себя исключительно позитивными определениями. Позже – в период советских союзных республик – эти оценки сохраняли столь же позитивный характер [1; 8; 9].

В описываемый период все административно-кадровые построения осуществлялись кремлевскими институтами, на фоне беспрецедентно жестокого массового геноцида-голодомора и физической зачистке национальных элит с последующей тотальной деформацией производственно-экономического и социокультурного уклада жизни всех слоев жизнеуществования населения, казалось бы, навсегда лишили эти народы этнокультурной идентичности...

Но не будем спешить с категоричными выводами.

Сравнивая колониальные режимы в различных регионах мира, можно выявить не просто недостатки и преимущества той или иной системы внешнего управления, но и типологическую общность принципов и методов управления колониями.

Для полноты картины можно добавить, что часть кадрового состава управленческого аппарата администрации колоний состояла из представителей коренного населения, которые презирали свой народ. Указывая на это обстоятельство уместно будет напомнить высказывание Махатмы Ганди о том, что национальные элиты, выращенные колонизаторами, становятся главными врагами своей нации.

Сказанное предполагает широкий комплекс исследований социокультурного феномена габитуса (П.Бурдьё), который мы обозначаем условным понятием пост-колониализм. Однако, не имея в настоящей статье этой возможности, рассмотрим проблемы в формате художественной практики как наиболее чувствительной стороны коллективного сознания автохтонных общественных групп.

При этом, можно отметить два противоположных подхода по отношению к прошлому. С одной стороны, если постколониальный дискурс направлен на отрицание прошлого посредством демифологизации, то системный подход интегрирует противоречия между настоящим и прошлым в позитивистском формате и попытками найти консенсус при помощи диалога.

Современное состояние диалоговых потенциалов антиколониалистского и постколониального дискурсов в странах «третьего мира» содержит противоречивый характер по причине различных этнокультурных установок и этнопсихологических поведенческих стереотипов.

Тем не менее, межкультурный диалог - это наиболее реальный путь для выработки взаимопонимания и координации действий для конструктивного взаимодействия.

В центральноазиатском регионе, следует отметить, что под понятием пост-колониализм мы рассматриваем междисциплинарное направление исследований из анализа историко-культурных артефактов.

В условиях разорванной этнокультурной традиции как аксиологической системы, разрозненные артефакты, несут в себе недостаточную информацию о реальных процессах в жизни этнокультурной группы в период ее колониального статуса.

В самом широком смысле, можно говорить о том, что понятие пост-колониализм несет в своем содержании множество теорий в различных областях жизнедеятельности общества и в его художественной практике.

Пост-колониальная теория возникла в период деколонизации стран, так называемого, «третьего мира» и получила свою понятийную и терминологическую артикуляцию, благодаря интеллектуалам постструктурализма Мишеля Фуко, Жака Деррида, Жилья Делёза, которые рассматривали культурное наследие бывших колоний исключительно в культурологическом дискурсе [2; 4; 5; 6; 7].

Что же касается этно-политической составляющей теории пост-колониализма, которая была разработана алжирским врачом Францем Фаноном и получила свое развитие в работах Эдварда Саида, нигерийского писателя-лауреата Нобелевской премии Воле Шоинки, ямайских рок-музыкантов Боба Марли и Питера Туша, ставших идейными лидерами радикально-националистического движения негритюд (черных пантер) и прочих авторов, то их существенным недостатком было то, что они ограничивались протестным пафосом и отсутствием сколько-нибудь созидательных и конструктивных проектов.

Чтобы не утверждали противники рассмотрения проблемы в формате пост-колониализма, такой подход приближает наблюдателя к адекватному пониманию процессов, прошедших в регионе на протяжении всего XX века. Кроме того, он дает возможность для суждения не только о культурной ментальности населения современной Центральной Азии, но и определить степень этнокультурной эксклюзивности социума региона в отличие от других пост-колониальных обществ.

Общим местом в понимании культуры является диалоговый ресурс культуры, который, во многом, определяется уровнем ее историко-культурной саморефлексии, благодаря которой преодолевается комплекс культурной неполноценности и отрицание европоцентризма как как систему референтных ценностей.

Период начальной фазы колонизации центрально-азиатского региона представляется отдельной темой, по причине недостаточного формата настоящей статьи рассмотрение которой остается за пределами настоящей статьи. Это обстоятельство побуждает вернуться к ее рассмотрению уже в самой ближайшее время.

Переходя непосредственно к рассмотрению социокультурных процессов в центральноазиатском регионе в минувшем столетии, отмечу, что непреложным и непрекаемым требованием ко всем правилам жизни стала ленинская теория отражения и

производный от нее принцип социализма – «типичный характер при типичных обстоятельствах» кремлевского смотрящего за просвещением и художественным творчеством А.Луначарского.

По отношению к культурам национальных колоний ситуация сложилась еще жёстче и драматичнее. После персональной зачистки сомневающихся и колеблющихся в истинах большевизма национальные истории были объявлены вредными пережитками прошлого и отменены под страхом уголовного преследования. Говоря новоязом современных российских политтехнологов – национальные истории были «обнулены». А при их упоминании полагалось говорить, что народы центральноазиатского региона получили письменность, образование и культуру исключительно с приходом советской власти. Ключевыми лозунгами и контрамаркой для вхождения в пул надежных деятелей гуманитарных наук и работников литературы и искусства были «интернационализм» и «атеизм».

Однако, свободный дух творчества искал и порой находил средства для выражения. Вопреки негласным запретам. Оказалось, что возможности художественного освоения действительности содержат нерастраченный потенциал и реальные возможности для понимания прошлого («реальности более высокого порядка» - Гегель) нежели псевдонаучные исследования историков от идеологии.

Из индикаторов начальной фазы прорыва колониального по отношению к осознанию себя в качестве историко-культурного субъекта стал казахский исторический роман, в котором восстанавливались фрагменты прошлого и запрещенные имена, и тени забытых предков с точки зрения собственных национальных интересов.

Нетрудно предвидеть, что отдельные периоды национальной истории оставались вне поля зрения авторов исторических романов некоей лакуной, которую ему приходилось заполнять за счет мифологем и изустных легенд. Такой метод генерализации исторического материала дает целостную модель прошлого.

Впрочем, отнюдь не всегда достоверного.

Но последнее замечание полностью компенсируется избавлением самого автора и его читателя от комплекса национальной и культурной неполноценности и гордостью за историческое прошлое, наследниками которого становятся его потомки - современники.

И в этом видится высокий смысл деколонизации сознания личности и общества, обретшие чувство исторической и культурной полноценности.

Что сходного и отличного в пост-колониализме, прожитом Западом (Британия, Франция) с постсоветским пост-колониализмом.

Всякое сравнение пост-колониализма в странах, так называемого, «третьего мира» и постсоветских стран Центральной Азии, порождает множество вопросов, так сказать, методологического характера. В первую очередь, это относится к подходам Западных стран к своим колониям и трансформацией колониального режима России. И если до периода Октябрьской революции эти подходы мало чем отличались, то с приходом в регион советской власти идеология отношений Кремля к союзным республикам приобрела иную форму.

В первую очередь, новый подход ввел понятие «классовый подход» по отношению к традиционной культуре. Это стало причиной почти полного запрета базовой ценности культуры народов, практически решил судьбу центрально-азиатского региона – эпоса, как носителя информации о событиях прошлого и кодекса моральных и эстетических ценностей, а также значительного количества произведений народного творчества, в которых упоминалось имя Бога.

В свою очередь, блокирование значительной части народного творчества, по существу, лишил народы его собственной истории и аксиологии, поскольку своеобразие

культуры региона представляло собой синкретический продукт. То есть, органическое сочетание реальных исторических событий и их художественную переработку изустного сказания – фольклора.

Ситуация многократно усугубилась почти полным физическим уничтожением национальной научной и культурной элиты – живых носителей культурных традиций прошлого в его органическом сочетании с европейской культурой. А также политической воли, выполняющей для национальной культуры функцию своеобразного навигатора.

Столь же катастрофичным для народов региона как изъятие традиционной народной культуры было подавление спонтанных народных восстаний и принудительная коллективизация, приведшая к массовому геноциду коренного населения региона.

В замещение изъятых культурных ценностей советская власть проводила массовые пропагандистские акции, во время которых объявлялось о полном отсутствии в центральноазиатском регионе каких-либо признаков культуры и их обреченности на физическое вымирание. Официальными органами было заявлено, что население региона, в подавляющем большинстве, было безграмотным, пребывало в нищете и бесправии по вине феодально-байского устройства своей жизни.

Не вдаваясь в полемику с физическим воплощением персонажей анти-утопий Джоржа Оруэлла и их опровержению их откровенной лживости, позволю себе короткую иллюстрацию вопроса о тотальной безграмотности населения позволю себе пересказать фрагмент из рассказа казахского писателя Беимбета Майлина, жившего и писавшего в начале XX века. Описывая жизнь молодежи казахского аула, автор приводит эпизод, когда встречаясь вечерами у качели (аналог русских танцев), юноша, которому понравилась девушка, должен был написать ей записку, изложив в стихотворной форме, свои чувства в стихах. Если молодой человек не мог выразить свои чувства в привлекательной форме, он просил кого-либо из приятелей, обладающих приемлемыми случаю литературными способностями, написать записке девушке от его имени.

В случае, когда подмена автора записки обнаруживалась, оконфузившегося молодого человека поднимали на смех.

Представляется, что приведенный эпизод достаточно убедительно опровергает миф советских пропагандистов о тотальной безграмотности населения региона. Судя по всему, молодые люди обменивались записками отнюдь не на русском языке и не использовали кириллицу. А это означало только то, что незнание имперского языка приравнивалось к безграмотности.

Официальная пропаганда культуры и ее составляющих: социалистического реализма; обязательное соблюдение принципа классового подхода; интернационализм и атеизм, вкуче с отрицанием традиционной национальной культуры определенным официальной идеологией «позорным наследием феодально-байского наследия».

Таким образом художественная практика и ее интерпретация исследователями художественного творчества должны были подчиняться законам, определяемым идеологией, выработанной в высоких кремлевских кабинетах. Любое отступление от них каралось отлучением от возможности профессионально заниматься искусством, а в иных случаях, – уголовному преследованию.

Что же касается изменений массового порядка, то обеднение языка и пренебрежительное отношение к своей национальной культуре, создавало поколение, для которого связь со своей национальной культурой воспринималось как признак национализма и отсталости, преодолеть которую можно было посредством ее отношением к себе.

В продолжении сравнений пост-колониализма в странах «третьего мира» и постсоветского пространства можно утверждать, что колониализм последних строился по

преимуществу, идеологемами, меняющих менталитет достаточно широкого круга населения этих стран.

Обстоятельство зомбирования посредством идеологических клише в значительной мере затрудняет процесс возвращения нации к «самой себе» в качестве полноценного субъекта мирового сообщества. К обретению национально-культурной идентичности, без которой неожиданно полученный государственный суверенитет останется условным понятием, бессодержательной риторикой.

Можно определить возникшую ситуацию в еще больших отрицательных характеристиках, поскольку отдельный человек и общество, состоящее из подобных людей, несут в себе все признаки маргинальности. Причем маргинальности не отдельной личности, а маргинальности как явление социальное.

Учитывая совокупность перечисленных свойств, связанных с реформативизмом национального образа мышления и всей системы жизнедеятельности в условиях транзита от социальной и политической зависимости к самостоятельности, несущей в своем содержании неизбежную ущербность. Эта ущербность имеет объективное свойство, связанное с отсутствием практического опыта формирования государственного устройства и сбалансированной международной политикой.

В связи с полным отсутствием навыков построения государства как сложной и многоуровневой системы государственного управления социально-политической и производственно-экономической жизнью общества, уместным будет вспомнить признание Дж. Неру. В одном из своих писем, индийский политический лидер признавался, что изучал Индию как просвещенный европеец.

Можно при этом сослаться на высказывание Дж. Неру, признавшего в том, что он изучал Индию как просвещенный европеец.

Интересно отметить, что при всей важности классового разделения общества и выделение рабочего класса как доминирующей политической силы, советская власть отодвигала коренное население центрально-азиатского региона от процесса индустриализации, оставляя его в системе аграрного сектора. Столь же второстепенным и политически мало значимыми были и представители обслуживающих профессий. То есть, они были обречены оставаться на периферии социально-политического устройства общества.

Кроме всего, профессиональные союзы, как альтернатива государственному управлению в области соблюдения прав работников, выполняло чисто административную функцию, ограничиваясь разборкой семейных неурядиц в своих трудовых коллективах.

Такое разделение общества долгое время игнорировалось политическими экспертами, вплоть до обретения постсоветскими государствами суверенитета [3].

Говоря иначе, в своей практической деятельности, не сумело сформировать собственный рабочий класс – предтечу среднего класса, выступающего стержнем национальной экономики и, одновременно, жестким контролером справедливого распределения дивидендов от реализации произведенной продукции через свои профессиональные союзы и независимые судебные органы.

Эффективность указанных механизмов обеспечения гражданских и экономических свобод гарантировалась парламентом, которому делегировались полномочия по защите интересов всех сословий общества.

Практическая значимость всех, перечисленных выше факторов ярко проявилась уже с первых лет обретения постсоветскими республиками Центральной Азии государственного суверенитета. Несмотря на общую типологию колониального периода в жизни обществ региона, их постколониальная судьба стала складываться по разным сценариям. Можно говорить только лишь об одном (возможно, главном) признаке – незрелостью (или полным

отсутствием) политически зрелого среднего класса. Лишенные на протяжении длительного периода колонизации политических инициатив, общество возродило институты патернализма и территориально-племенной и сословной корпоративности. Во всех новообразованных квази-государствах оперативно вызрели правящие кланы, взявших в свои руки управление, к сожалению, не производством, а потреблением совокупного капитала собственных стран.

В качестве иллюстрации возникшей ситуации можно привести опыт строительства суверенитета государственного устройства двух постсоветских республик центральноазиатского региона – Кыргызстан и Туркменистан.

Патернализм и отсутствие сколько-нибудь эффективных механизмов контроля со стороны общества привели к приходу к абсолютной власти, для которых интересы государства подменяются их индивидуальным интересом, а общество не защищено внутри политическими группами, поскольку социально-политическая структура Туркменистана разобщена, вследствие чего, неспособна выработать конструктивные меры сдерживания или устранения режима авторитарной власти.

Противоположным примером отсутствия политической системы, регулирующей взаимоотношение власти и общества представляется Кыргызстан. Политическая конкуренция в этой стране представляет собой состязание двух регионов страны - Севера и Юга, политические представители которых исходят из корпоративных приоритетов и интересов, нисколько не заботясь о благополучии страны.

Также как и в Туркменистане, в Кыргызстане не сложился средний класс, способный выработать программу развития страны и проводить этот проект в жизнь как стратегическую государственную программу.

Что касается трех других государств центрально-азиатского региона, то указанный недостаток незрелого политического общества в Туркменистане и Кыргызстане, в той или иной мере характеризует и их социально-политическое устройство. Это слабая и аполитичная социально-экономическая конструкция, неспособная выработать надежную защиту своих политических и финансово-экономических интересов.

Отсюда и популярность в широких кругах общественности постсоветских стран Центральной Азии сильной авторитарной власти. Таких как борец с коррупцией, президент Сингапура Ли Луан Ю, возрождение культа Иосифа Сталина и другие лидеры стран, взявших курс на жесткое авторитарное правление.

Преимущество подобного уклада государственного устройства рядовой обыватель видит в подавлении тотальной коррупции и снятие всякой ответственности за будущее страны с плеч рядового гражданина.

Это, также, отсутствие обще региональных проектов, дающих возможность для восприятия текущих локальных проблем как неотъемлемой части глобализирующегося мира с тем, чтобы не оказаться в меняющихся условиях нового миропорядка на второразрядных ролях обслуживающих транснациональный капитал.

Библиография

Назарбаев, Н.А. (2020). *Казахстанский путь развития*. Астана: МИА «Казинформ»,

Бхабха, Х. (2005). Местонахождение культуры. Перекрестки: *Журнал исследований восточноевропейского пограничья*. № 3-4.

Профсоюзы: теория и практика. (2018). Астана.

Rac Africana: континент и диаспора в поисках себя. (2009). Отв. ред. А. Б. Давидсон. - Москва: ГУ-ВШЭ.

Goddard and David World Literature in English (1987)

Johnson, A. (2005). *Historical Companion to Postcolonial Literatures in English*,

John Thieme, *The Arnold Anthology of Post-Colonial Literatures in English*.

Каримов, И. А. (1999). *Узбекистан устремление в будущее*. Ташкент: «Ирфан»,

Ниязов, С.А. (1997). *«Рухнама»*. Ашгабад.